

П 9298

173

Δ-64

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Н О В Ы Е М А Т Е Р И А Л Ы

Редакция и предисловие
И. ИПОЛИТА

Г.П.Б. в Лнгр.

Р. 1933 г.

Акт № 105/

7.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ● МОСКВА ● 1933

«Дом Плеханова»

№ 2373

Г. В. Плеханов
по вновь найденным
литературоведческим работам

1

Ленинский этап в развитии марксизма охватывает все области идеологии. Нет такого участка пролетарской борьбы, куда бы Ленин не привнес нового начала, который не был бы поднят Лениным на высшую ступень. Борьба за ленинизм составляет основную задачу всех отраслей науки, в том числе литературоведения. Задача освоения, теоретической разработки ленинского наследства стоит и здесь во всей остроте.

Приходилось слышать, будто Ленин в отличие от Плеханова вообще был чужд вопросам литературы, при чем это аргументировалось тем, что, мол, Плеханов написал несколько томов по вопросам литературы, а Ленин — в лучшем случае несколько страниц: какое же сравнение? Можно возразить, что написать больше — не значит дать больше, но этих людей возражениями не убедишь, ибо их деланная наивность имеет свой политический эквивалент: попытаться скомпрометировать и разоружить марксистско-ленинское литературоведение. В действительности у Ленина есть ряд работ, непосредственно относящихся к литературе: статья «Партийная организация и партийная литература» является ключом к пониманию ленинской установки о партийности литературы; статьи о Толстом дают основные методологические установки для марксистской критики; многочисленные упоминания и характеристики отдельных писателей, содержащиеся в сочинениях и переписке Ленина, представляют неоценимый материал для историка литературы. Далее, письма Ленина к Горькому вместе с рядом ценнейших методологических указаний дают глубочайший урок идейно-воспитательной работы с писателями и большевистского руководства ими. Литературовед почерпнет для своей работы из ленинского наследства так же много, как историк или экономист: философские и исторические труды Ленина, его учение о культурной революции, о двух путях капиталистического развития России, об империализме, высказывания о роли теории, о партийности

5

науки на ряду со всеми работами Ленина имеют громадное значение для марксистско-ленинского литературоведения. Подобно тому как «Капитал» является классическим образцом материалистической диалектики, на котором воспитываются не только экономисты, но работники всех отраслей науки, так каждая книга, каждая статья и указание Ленина учат применению материалистической диалектики ко всякому вопросу теории и практики рабочего движения.

В свете ленинских установок по-новому встают все основные проблемы литературного фронта. На основе разработки ленинских взглядов марксистское литературоведение развертывает жесточайшую борьбу со всеми антиленинскими теориями, отражающими влияние классовых врагов пролетариата, пересматривая под этим углом зрения свой прежний теоретический багаж. Придется пересмотреть и наследство Плеханова.

Необходимость коренного его пересмотра осознана недавно. До последнего времени система литературоведческих взглядов Плеханова пользовалась непререкаемым, почти абсолютным авторитетом. Давно ли в литературной полемике апелляция к Плеханову подменяла аргументы?

Достаточно указать, что Плеханов расценивался (а кое-кем расценивается и доныне) как «основоположник» марксистской эстетики. Глубокое заблуждение! Не Плеханов, а Маркс и Энгельс заложили основы марксистской эстетики. Скажем больше: Плеханов во многом сделал шаг назад от Маркса.

«Последовательное проведение принципов диалектического материализма в литературной критике, связь этой критики с революционным движением, принципиальная четкость в защите ортодоксального марксизма — эти три качества, неразрывно связанные друг с другом, были теми условиями, которые обеспечили за Плехановым положение «основателя научной эстетики» (В. М. Фриче), сделали его основоположником марксистской критики», так характеризовал Плеханова организатор и руководитель «литфронта» И. Беспалов. Его учитель, меньшевик Переверзев, также не упускал случая расписаться в своей верности идеям Плеханова. В свою очередь, критик Переверзева — С. Щукин — Плеханова же сделал исходной точкой своего наступления. Плеханов или Переверзев? — так был поставлен вопрос т. Щукиным. Не Переверзев, но и не Плеханов, — так должна быть решена эта дилемма: ленинизм определяет следующую после Маркса ступень марксистской литературной науки.

В несомненной связи с влиянием утверждений т. Щукина стоит и лозунг «За плехановскую ортодоксию!», выброшенный в то время руководством

РАПП. «Плеханова необходимо углублять и дополнять,— гласила передовая статья «На литературном посту» в октябре 1929 г.—но и сходить (подчеркнуто «На лит. посту») нужно из плехановских положений». Критика— писалось там — «будет развиваться под знаменем плехановской ортодоксии в вопросах литературоведения». И два года спустя передовая статья журнала «РАПП» (№ 1) говорила лишь о «недостаточности» плехановской эстетики.

В чем объективный смысл подобной переоценки Плеханова? Не только в том, что этим смазываются ошибки Плеханова, но и в том, что недооценивается значение Ленина как философа. Непонимание ленинского этапа как высшей ступени в развитии диалектического материализма— вот основа лозунга «За плехановскую ортодоксию!» Но непонимание и отрицание ленинского этапа является одной из характернейших черт меньшевистствующего идеализма, нашедшего у нас представителей в лице т. Деборина и его учеников. Таким образом провозглашение «плехановской ортодоксии» было ошибкой, наглядно свидетельствующей о влиянии меньшевистствующего идеализма на ряд работников РАПП.

Историческое письмо т. Сталина, повышающее партийную бдительность в борьбе за чистоту большевистской теории, заостряющее воинствующую партийность и непримиримость против троцкистско-меньшевистских контрабандистов и гнилого либерализма, помогло коммунистам-литературоведам развернуть критику плехановской эстетики. Обнаружилось, что на плехановских ошибках базировались Переверзев, Воронский и Аксельрод, что ошибки Плеханова питали Фриче и многих других. Под флагом систематизации плехановской эстетики, используя ее как защитный цвет, развертывались вреднейшие эклектические (Зивельчинская) и идеалистические (Андрузский, Яковлев) взгляды, заостренные против ленинского литературоведения. Не случайно русская ветвь литературных представителей II Интернационала, все эти Кубиковы, Львовы-Рогачевские, Переверзевы и смыкающиеся с ним троцкистские контрабандисты так охотно прибегали к аргументации «от Плеханова», никогда не позволяя себе ни слова, ни тени критики по отношению к Плеханову. В свое время В. Ваганьян, прикрываясь Плехановым, выступил с ревизией истории большевизма; в наши дни апологеты Плеханова, прикрываясь им, выступили против ленинского литературоведения.

Это обязывает акцентировать критику на выяснении слабых сторон плехановской эстетики, ее ошибок и недостатков. Надо требовать внимательного и глубокого изучения всего, написанного Плехановым, тщательной,

серьезной и вдумчивой критики, не подменяя ее визгом и ругательствами, не позволяя забывать и отбрасывать то положительное, что внес Плеханов в нашу науку. Повторим, что только с ленинских позиций можно по-настоящему критиковать Плеханова, дать истинную оценку его взглядов и его значения для литературной науки. Для всякой иной критики Плеханов неуязвим.

2

С высоты той ступени, на которую поднял диалектический материализм Ленин, отчетливо обнаруживаются философские пороки Плеханова. Ленин неоднократно высказывался о Плеханове, и каждое его высказывание — пусть даже оно не относится непосредственно к плехановской эстетике — дает чрезвычайно много для уразумения и оценки Плеханова-литературоведа.

«Основная особенность литературной критики Плеханова состояла в том, что она являлась применением принципов диалектического материализма в частной области», так писал т. Беспалов. Ленин придерживался другой точки зрения: именно недостаток диалектики считал Ленин основным теоретическим грехом Плеханова: «диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма, — писал Ленин в записи «К вопросу о диалектике»: — вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» («Лен. сб.» XII, стр. 325). Конспектируя историю философии Гегеля, Ленин отмечал на полях: «N. В.», Разработать: Плеханов написал о философии (диалектике) вероятно до 1000 страниц. Из них о большой логике, по поводу нее, ее мыслей (т. е. собственно диалектика, как философская наука) — ничего!!» (стр. 223—225). Отрыв теории познания от диалектики обусловил ошибочность плехановской гносеологии: сюда восходят пороки его эстетики. Противопоставив ленинской теории отражения — теории соответствия, Плеханов пришел к печально-знаменитым «иероглифам».

Недиалектичность влекла за собой абстрактность и логизирование, отчетливо сказавшиеся и на литературоведческих работах Плеханова. Плеханов не овладел до конца материалистической диалектикой и потому часто скатывался на позиции «просветительского» и механистического подхода к предмету. Отсюда отрыв формы от содержания и, стало быть, отрыв социологического анализа произведения от эстетического; элементы кантианской эстетики, с одной стороны, и фейербаховской — с другой. В задачу

статьи не входит развернутая критика плехановской эстетики; мы хотим лишь вкратце рассмотреть в свете ленинских указаний нижепубликуемые статьи Плеханова.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал: «Плеханов в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму». Это понятно: философия неотделима от политики так же, как литература от философии. Плеханов обращал и литературные статьи, когда ему было надо, против своих политических противников. Так пьесу Горького «Враги» он использовал для развернутого обоснования и защиты тактики меньшевизма, а свою критику Горького—для нападков на большевиков. Ниже читатель найдет выразительные примеры политической заостренности литературоведческих статей: можно предполагать (например, что рецензия на книгу Шахова о Гете, написанная осенью 1908 г., когда Плеханов шел с меньшевиками, обязана желанию выступить с полемикой (хотя бы безымянной) против гг. Фриче и Луначарского. Еще ясней эта тенденция сквозит в статье 1916 г., которую Плеханов дал для предполагавшегося к изданию сборника памяти Скрябина, вокруг которого объединился весь «цвет» русской буржуазной интеллигенции. В этой статье Плеханов за воспоминаниями о Скрябине прячет меньшевистский поклеп на «твердокаменных марксистов» (читай: большевиков): они-де еще хуже поняли и оперируют материалистической теорией, нежели мистик Скрябин... (См. стр. 166.)

Широко известны развитые Плехановым еще в 90-х годах «законы» подражания и антитезы, под которыми подпишется любой «механический» материалист. В «Монистическом взгляде» Плеханов посвящает несколько страниц их развитию и обоснованию, «углубляя» и подправляя Брюнетьера, а в «Письмах без адреса» сюда привлекается и Дарвин, которому, собственно, и принадлежит термин («начало антитеза»). В нижепечатаемом конспекте реферата «Французская драматическая литература» Плеханов исходит из тех же «законов», объясняя например возникновение мещанской драмы с ее морализующим резонерством «реакцией» на дворянскую распущенность нравов, а суровую простоту живописи Давида—«реакцией» на слащавость и манерность старой школы.

О том же он говорит и в рецензии на книгу Лансона: «...стремление Корнеля к истине в драматической поэзии было простым выражением тех рационалистических стремлений, которые свойственны были всему (?—И.) тогдашнему обществу и которые сами явились естественной реакцией (разрядка моя.—И.) настроению, господствовавшему в предшество-

вавший исторический период». Пример типичен: вместо ленинского познания процессов в «самодвижении» как диалектического единства и борьбы противоположностей у Плеханова выступает механическая смена противоположностей, чередование их. По существу Плеханов не поднялся здесь выше знаменитого брюнетьеровского «наоборот»: романтики «хотели сделать обратное» классикам. Публикуемые конспекты интересны в частности тем, что в них благодаря сжатости изложения резко обозначились эти слабые места и ошибки эстетики Плеханова. Другой существенный порок Плеханова—элементы кантианства. В политике они привели Плеханова к защите «простых законов нравственности и права» во время войны; в философии—к теории иероглифов; в эстетике—к кантовскому определению суждения вкуса как бескорыстного, созерцательного и непосредственного (см. ст. «Французская драматическая литература»). В той же статье Плеханов ниже говорит, что «у нас остается место и для кантовского взгляда на этот вопрос; суждение вкуса несомненно предполагает отсутствие всяких утилитарных соображений у индивидуума, его высказывающего» (т. XIV, стр. 119). В статье эта мысль осталась совершенно неразвитой. По какой линии пошло бы ее дальнейшее развитие, превосходно показывает публикуемый конспект «Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории». В нем Плеханов с другой стороны подошел к интересующему нас вопросу. Он приводит рассказы путешественников о том, что у охотничьих племен часто встречаются изображения птиц, зверей и рыб, которыми они передают друг другу нужные сведения. Далее Плеханов говорит: «Рисование здесь еще не искусство, оно преследует утилитарную (подчеркнуто Плехановым.—И.) цель. Это орудие в борьбе за существование, средство производства» (?—И.). И ниже продолжает: «А раз нужда заставляет дикаря учиться рисовать, раз развивается эта его художественная способность, у него возникает потребность упражнять эту способность. Отсюда бескорыстное творчество (подчеркнуто Плехановым.—И.)—художественная деятельность». Здесь сказан и сильнейший биологизм Плеханова, который сводит искусство к «потребности упражнять» «художественную способность»,—но в данную минуту нас интересует другой вопрос. Противопоставление искусства утилитарного, орудия в борьбе за существование, искусству—«бескорыстному творчеству» целиком совпадает с кантовским критерием искусства. Марксизм противопоставляет всем этим теориям «чистого», «свободного», «незаинтересованного», «бескорыстного» искусства безоговорочное утверждение классового характера искусства, признание партийности искусства, искусства как острейшего оружия

классовой борьбы. У ленинской эстетики не только не «останется места» для кантовской «аналитики прекрасного», но она непримиримо враждебна к ней, как и ко всякому другому выражению буржуазной идеологии. Кантовские элементы в эстетике Плеханова отражали отношение к Канту II Интернационала, который в наши дни целиком разделил основные посылки неокантовства. Они не случайны для Плеханова и ощущаются даже у «раннего» Плеханова, когда он был революционным марксистом (см. например недавно опубликованный вариант ответа Плеханова Н. К. Михайловскому — «Под знаменем марксизма» 1931, № 4—5).

3

Коренным пороком плехановской эстетики остается меньшевистский объективизм, отсутствие пролетарской партийности в науке. Объективизмом порождены ошибки Плеханова, подобные тем, которые встречаем в конспекте «Французская драматическая литература»: «мы не говорим искусство должно быть, и т. д. Мы с нашей точки зрения можем удовольствоваться анализом». Это соответствует известной мысли Плеханова: «У нее научной эстетики.—И.) все хорошо в свое время». Задачу критика Плеханов видит в том, чтобы созерцать и объяснять развертывающуюся перед его глазами литературную борьбу. Критик-большевик рассуждает иначе: он не сидит, как мудрый дьяк, в приказах поседель, бесстрастно зря на правых и виновных,— он боец и вносит в свое дело всю страсть, на которую способен; он без церемоний говорит: такая-то трагедия хороша, а такая-то драма никуда не годится! Соскальзывая на дорожку объективизма, Плеханов придет к признанию внеклассового критерия красоты.

Объективизм позволял Плеханову как-то снисходительно-терпимо относиться и к буржуазным критикам. Он спорил с ними, указывал пальцем на их ошибки, но все это носило характер почти добрососедской полемики, тогда как речь шла об отпоре и разоблачении классового врага в области науки. Поясним примером. Ниже напечатаны две рецензии на известную «Историю французской литературы» Г. Лансона. В них Плеханов рекомендует ее как «очень полезного помощника» в деле изучения «духовной истории человечества». Всем, в том числе и Плеханову, отлично известны и не могли не броситься в глаза буржуазная ограниченность Лансона, его полная неспособность правильно понять и передать суть литературных событий, им описываемых. Сам Плеханов пишет: «его собственные взгляды на главную задачу, которую должны поставить перед собой люди, изучающие историю литературы, не могут быть признанными удовлетворитель-

ными». Казалось бы, раз так,—вывод один, но нет,—Плеханов продолжает: «но этот важный недостаток выкупается глубоким знанием предмета, тонкостью литературного чутья и добросовестностью, которая не позволяет автору оставлять в тени или совсем замалчивать явления, резко противоречащие его любимым взглядам». Прежде всего эти комплименты не верны фактически: Лансон совершенно замалчивал ростки пролетарской литературы во Франции; он игнорировал, а где не мог игнорировать—извращал историю революционно-демократической французской литературы.

О научной «добросовестности» даже в рамках буржуазного исследования по отношению к Лансону говорить неловко: это фальсификатор, постаравшийся «обработать» историю французской литературы таким образом, чтобы повыдергивать ее ядовитые зубы и приспособить к интересам буржуазного воспитания молодежи «третьей республики». Но дело даже не в этом. Пусть пример, взятый Плехановым, удачен. Сочтем Лансона «приличным» буржуазным ученым, т. е. таким, который не ради корыстных целей, а «добросовестно», в силу классовой ограниченности, искажает действительность. Важно установить, что для Плеханова идеалистический метод оказывается лишь одним, хотя и важным недостатком книги, который может быть компенсирован «тонкостью чутья» или добросовестной регистрацией фактов. Тут мы расходимся с Плехановым: для нас идеалистическая книга не может представить «несомненных знаний» и мы не будем ждать от нее «безукоризненных характеристик». Для Плеханова взгляды буржуазных литературоведов представляются отвлеченно-логической ступенью к истине и в полемике с ними он констатирует лишь меру их истинности, упуская из виду реальный классовый смысл. Критик же большевик не ограничится объективистской констатацией плюсов и минусов работы буржуазного ученого, а обязательно покажет ее, так сказать, социальную функцию на данном этапе классовой борьбы.

Еще ясней сказались объективистская ограниченность Плеханова, когда он попытался обобщить вопрос. «Чего можем мы требовать от научного объяснения истории литературы?»—спрашивал он в той же рецензии на книгу Лансона и отвечал:—Указания тех общественных условий, которыми определена эта история». Нет, возразим мы, этого указания недостаточно. Мало констатировать генезис литературного явления, надо еще показать место и значение последнего в классовой борьбе, т. е. осознать его и как субъективный фактор борьбы того или иного класса; исходя отсюда, дать его оценку и не только для своего времени, но, по мере воз-

возможности, и для нашего. Таков минимум требований, которые предъявляются к марксистско-ленинской истории литературы.

Тот же недостаток выражается и в недооценке гниющего искусства буржуазии. «Когда оно (искусство.—И.) выражает тенденции падающего класса, оно не облегчает его борьбы за существование,—говорит Плеханов,—но просто развлекает его в праздности» (тот же конспект). Плеханов неправ. И лучшим аргументом против него служит критерий практики. Кто посмеет сказать, что кулацкие барды «просто» развлекают нашего классового врага? Кулачество оказывает бешеное сопротивление социалистическому наступлению и отнюдь не намерено отказаться от литературы как острого оружия борьбы против пролетариата.

Не случайна таким образом у Плеханова и меньшевистская концепция русского исторического процесса. Едва ли надо напоминать о введении к «Истории русской общественной мысли», где ход развития общества объяснялся не только борьбой классов, но и их взаимным сотрудничеством. Едва ли надо напоминать также, что Плеханов до гробовой доски боролся с ленинским учением о двух путях развития капитализма в России; это обусловило представление Плеханова о расстановке классовых сил и о движущих силах революции в России, а стало быть и ту меньшевистскую тактику поддержки буржуазии, которую защищал Плеханов в революциях 1905 и 1917 гг. и в империалистическую войну. Естественно, что ложная исходная позиция необходимо определяла ложные выводы, поэтому конкретно-исторические работы Плеханова по русской литературе и общественной мысли второй половины XIX в., которые содержат ряд бесспорно талантливых страниц, методологически удовлетворить нас не могут. Мы хотим доказать эту мысль на примере «новой» статьи Плеханова о Белинском.

Основной вопрос, который обязан решить критик-марксист, подходя к В. Г. Белинскому, сводится к определению его места и значения в истории классовой борьбы. «Спросите кого угодно,—отвечает на это Плеханов,—всякий скажет вам, что Белинский велик прежде всего как литературный критик». Это правда, но не вся правда.

Поучительно сопоставить с этим ответом ленинскую оценку Белинского. Ленин называл Белинского предшественником русской социал-демократии. Плеханов считал наиболее существенным в Белинском то, что он был выдающимся литературным критиком, в этом он видит заслугу Белинского, которая делает его имя близким рабочему классу. Ленин же подчеркивал близость к пролетариату Белинского-революционера, Белинского-передового

борца с крепостничеством, с помещичьей царской Россией. Для Ленина письмо Белинского к Гоголю например представляет замечательное явление совсем не потому, что оно могло бы служить надежным руководством при изучении Гоголя, а потому, что оно было актом протеста и борьбы за уничтожение крепостного права, борьбы против крепостнического гнета и тех проповедников кнута и апостолов невежества, которые этот гнет подерживали своими писаниями.

И Ленин конечно гораздо вернее, чем Плеханов, уловил существо «неистового Виссариона». Литературная арена, несмотря на «татарскую цензуру», была при Николае едва ли не единственно доступным полем борьбы,— вот почему Белинский ушел с головой в критику. Наш гениальный критик сам сознавал тесноту щели, которую ему отвела история, и мучился, задыхался в ней. «Если бы знали вы, — восклицал с тоской Белинский, — какое вообще мучение повторять зады, твердить одно и то же— все о Лермонтове, Гоголе и Пушкине, не сметь выходить из определенных рам— все искусство, да искусство! Ну какой я литературный критик? Я рожден памфлетистом!» Критика Белинского была по сути дела образцом и публицистики, публицистики насыщенной, зовущей, боевой. Белинский видел в ней лишь средство для пропаганды обуревавших его идей. И в историю общественной мысли наш гениальный критик войдет прежде всего как предтеча той партии, которая под знаменами коммунизма перестроит весь мир.

Но все же это не исчерпывающий ответ. Мы хотим понять, кем порождена гигантская фигура Белинского, какие силы двигали ею, на чем покоится ее мощь и величие? Увы, Плеханов ничего нам на это не ответит. Для него Белинский— лишь эпизод в логическом развитии истины; великий критик для Плеханова— великий одиночка. Тщетно стали бы мы искать в «новой» его статье, как и в старых, разгадки социальной основы Белинского. Ответа на этот вопрос у Плеханова нет.

Зато нам ответит Ленин. Не в личности Белинского, а в борьбе классов кроется решение проблемы. Когда кадетские «Вехи», эта «энциклопедия либерального ренегатства», вылили ушат помоев на Белинского за его «интеллигентщину» в письме к Гоголю, Ленин издевался над кадетскими публицистами: «Может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян?» Ленин дал классический пример конкретно-исторического анализа, умения разглядеть за общественным деятелем классовые силы, которые им двигают. Белинский отражает в своем творчестве протест и борьбу миллионов крестьянских масс против сковывающих их

крепостнически-помещичьих пут. В этом «секрет» его влияния на следующие поколения, его неувыдаемой популярности. И поскольку борьба демократии с крепостничеством растянулась на десятилетия, продолжал жить и вдохновлять на борьбу новые тысячи и десятки тысяч читателей «неистовый Виссарион». Он будет жить и теперь, когда пролетарская революция осуществила то, о чем Белинский не мог и мечтать, будет жить так же, как Герцен, Чернышевский и все те, кто своей деятельностью расчищал путь для победы социализма.

Тут снова сказались ограниченность научного метода Плеханова.

4

Ленин в одной из своих тетрадей замечает, что «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения, поскольку он лишь *a limine* отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий». Ирония истории состоит в том, что в наши дни самого Плеханова критикуют зачастую более с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения. Плехановскую эстетику, особенно за последнее время, часто отвергают сплошь, вместо того чтобы показать ее исторический характер, ее место и значение для нашей науки.

Такова, к примеру, вульгарнейшая критика плехановской эстетики, под флагом которой М. Добрынин (см. журнал «РАПП» 1931, № 3), смыкаясь с троцкистскими контрабандистами типа Слуцкого и Волоевича, протаскивал меньшевистскую клевету на Ленина и партию.

Далека от убедительности и критика А. Михайлова в № 4 «Пролетарской литературы», не идущая дальше перечня отдельных ошибок Плеханова, не способная их обобщить, взглянуть на них с точки зрения ленинского этапа в литературоведении и сама, вслед за Плехановым, разделившая ряд его ошибок.

Как «с плеча» критикуют иногда Плеханова в авторитетных учреждениях, можно судить по реферату доклада М. В. Храпченко, прочитанного в Институте Литературы и Искусств Комкадемии (см. «Литература и искусство» 1931, № 5—6). В обширном докладе оратор разносит Плеханова, как говорится, на все корки и лишь «под занавес», в самый конец, вставляет две (две! —И.) строки насчет недопустимости выбрасывать Плеха-

нова за борт. Но отговориться от заслуг Плеханова двумя словами — это и значит, пренебрегая ленинскими указаниями, выбросить Плеханова за борт.

Основное обвинение, предъявленное Плеханову т. Храпченко, состоит в том, что Плеханов не понимал и «игнорировал» «классовое деление общества», «не понимал, что идеология теснейшим образом связана с процессом классовой борьбы», а насчет искусства полагал, что это «нечто, находящееся между классами». Спрашивается, да был ли Плеханов, на взгляд т. Храпченко, вообще материалистом? Видимо нет, хотя автор не решается сказать это всеми буквами.

Аргументация т. Храпченко зиждется на известной плехановской формуле: «искусство есть средство общения между людьми», формуле в таком виде ошибочной. Но критиковать надо не одну (и даже не сто) плехановских ошибочных формул, а основные принципы его эстетики, и для этого брать всю его теорию в целом, а не выдергивать одну-две-три устраивающих критика цитаты. И если уж говорить именно о криминальной цитате, то в публикуемом нами конспекте непосредственно за ней идет конец фразы: «а также и средство борьбы между ними». И дальше Плеханов, как бы предвидя критиков калибра т. Храпченко, разжевывает: «в обществе, разделенном на классы, искусство выражает то, что считается хорошим и важным в том или другом классе, и вообще то, что наиболее занимает данный класс в настоящее время (его мысли, вкусы и иллюзии, как выражается Маркс)». Толкуйте теперь, что по Плеханову искусство «внеклассово»!

Пусть даже Плеханов и не написал бы цитированных строк. Не лишняя ссылка решает дело, а практика в целом. И практика показывает, что в чем угодно можно обвинить Плеханова, но никак не в непонимании «классового деления общества». К слову сказать, это обстоятельство понимали еще буржуазные историки начала прошлого века. Неужели т. Храпченко полагает, что Плеханов является шагом назад от них? Не в том беда Плеханова, что он не видел в современном обществе классов и классовой борьбы — это-то он понимал прекрасно, — а в том, что он не делал отсюда всех необходимых выводов, по-меньшевистски подменял классовую борьбу классовым сотрудничеством, не признавал необходимости доведения классовой борьбы до диктатуры пролетариата. С этой точки зрения и надо критиковать слабости и недостатки Плеханова. Приняв ее, т. Храпченко не позволил бы себе выносить вердикт «да, виновен». Она обязала бы его исторически показать развитие взглядов Плеханова на борьбу клас-

сов, и отсюда—на искусство. Или т. Храпченко полагает, что за четыре десятка лет политической деятельности Плеханова они не менялись? Тогда ему помогут печатаемые ниже материалы. Пусть он прочтет первую из этих статей «Два слова читателям-рабочим». В ней Плеханов пишет: «...у каждого общественного класса есть своя поэзия, в которую он вкладывает свое особое содержание. И в этом нет ничего удивительного, потому что каждый общественный класс имеет свое особое положение, свой особый взгляд на окружающий его порядок вещей, свои горе, свои радости, свои надежды и стремления,—словом, как говорится, свой особый внутренний мир. А этот-то внутренний мир и находит свое выражение в поэзии. Вот почему поэтические произведения, очень правящиеся одному классу или слою общества, часто теряют почти всякий смысл для другого». И дальше он очень хорошо показывает, что например поэзия Некрасова не есть пролетарская поэзия и что у рабочего класса «должна быть своя поэзия, свои песни, свои стихотворения». Это написано в 1885 г. Двадцать лет спустя, в конспекте реферата «Французская драматическая литература», объясняя поворот французской живописи конца XVIII столетия от Буше к Давиду, Плеханов говорит: «Он объясняется только борьбой классов». Однако в это же время в своей политической практике Плеханов проводит линию не борьбы двух классов—пролетариата и буржуазии,—а требует поддержки пролетариатом буржуазии. Стало быть в понятие классовой борьбы Плеханов вкладывает уже иное содержание. И вскоре (1912 г.) это содержание находит и свое теоретическое выражение: «Ход развития всякого общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т. е., во-первых, их взаимной борьбой... и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством...» (подчеркнуто Плехановым) («Введение к истории общественной мысли»). Так, наряду с борьбой классов Плеханов ставит их сотрудничество. Это объяснит нам многое и из его высказываний об искусстве и литературе того периода—в частности, статьи «Искусство и общественная жизнь», которую приводят все критики Плеханова. К этому надо добавить анализ позиций самого Плеханова в борьбе классов в России на данном этапе, обусловивший эволюцию его теоретических взглядов. Лишь тогда исследователь Плеханова может закончить критику эстетических взглядов Плеханова. Тов. Храпченко ее даже не начал...

Все же не т. Храпченко принадлежит пальма «ортодоксии». В конце прошлого года в одном из номеров «Литературной газеты» была помещена статья т. Анисимова «За ленинскую критику взглядов Плеханова», в ко-

торой эстетика Плеханова квалифицировалась как «меньшевистская теория искусства», т. е. автор одним росчерком пера выкинул всего Плеханова из обихода марксистско-ленинской критики. Не слишком ли щедрый подарок меньшевикам?!... Ленин считал Плеханова в свое время (примерно до 1903 г.), несмотря на отдельные ошибки, революционным марксистом и никогда не смешивал его с позднейшим Плехановым-меньшевиком.

Столь р-р-революционная «левая» критика на самом деле является прямым извращением Ленина. Ленин в 1921 г. особо подчеркивал, «что нельзя стать сознательным настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (т. XXVI, стр. 135, подчеркнуто Лениным). Ленин говорил, что плехановские статьи по философии «должны войти в серию обязательных учебников коммунизма», а через десять лет некоторые товарищи хотят зачеркнуть один из основных разделов этих статей. Это не борьба за ленинизм, а вульгаризация ленинизма, и чтобы разбить «плехановских ортодоксов»-апологетов, надо дать отпор вульгаризаторам.

Отсюда вытекает и наше отношение к наследству Плеханова: мы не отказываемся от наследства, как думают вульгаризаторы, но внимательно проверяем его, чтобы отобрать все годное в борьбе за пролетарскую эстетику, а такого у Плеханова найдется не мало.

Последовательно и до конца, с большевистской непримиримостью критикуя систему социал-демократических взглядов Плеханова, мы в то же время сохраняем для арсенала марксистской критики плехановские достижения. Преодолевая и перерабатывая Плеханова с позиций ленинизма, мы тем самым развиваем и углубляем ленинское литературоведение.

5

Думается, после сказанного выше нет нужды в «научно-популярных» объяснениях, почему мы считаем необходимым и своевременным печатать и перепечатывать Плеханова, да еще в черновиках и фрагментах. Публикация неизданных, неизвестных и забытых плехановских произведений — один из моментов разработки «наследства»; мы можем его не принять, но знать его обязаны.

Добросовестная критика Плеханова не может ограничить себя разбором его ошибок. От нее требуется выяснение и положительной стороны плехановских работ. В этом отношении печатаемые нами материалы нельзя

назвать неблагодарными для критика. Любая из публикуемых заметок вносит нечто новое в литературу своего вопроса: рецензии о Быстриине, Лансоне, Шахове, глава об Ибсене, воспоминания о Скрябине и т. д. займут свое место в конкретной критике, и интересующиеся упомянутыми деятелями не пойдут мимо этих заметок. Больше того: они содержательны не только для них. В них многое представляет более широкий интерес.

Вниманию очень многих нынешних, особенно молодых, исследователей литературы (и не только литературы) следует предложить и нижеследующую глубоко верную мысль Плеханова. Указав, что лишь с точки зрения диалектического материализма возможно действительно научное объяснение истории, Плеханов продолжает: «Но такое объяснение—как и всякое другое научное объяснение—предполагает внимательное изучение фактов, хорошее знакомство с действительностью, которого не заменят никакие общие взгляды, хотя бы эти взгляды и теории и были в общем совершенно правильны». Это требование звучит как нельзя более современно, и его с большой пользой для себя учтет наша учащаяся и учащая молодежь. Построение марксистско-ленинской истории литературы требует хорошего знания на основе марксизма-ленинизма и овладения литературой. Ленин всегда предостерегал от начетчиков, подменяющих изучение действительности затверживанием фактов. Против них же направлена и реплика Плеханова.

В той же рецензии на «Историю французской литературы» Лансона содержится прекрасная отповедь тем—увы, донныне многочисленным—литературоведам, которые подменяют изучение истории литературы изучением биографий литераторов. «Для истории литературы,—говорит Плеханов,—важно выяснить, как и почему явилась, как и почему исчезла французская трагедия; но почему именно Корнель, а не кто-нибудь другой написал «Сиду», это вопрос не существенный для научного объяснения литературной истории. Если бы на самом деле «Сид» был написан не Корнелем, а «кем-нибудь другим», то можно было бы спросить наоборот: почему «кем-нибудь другим, а не Корнелем?» Нынешних сторонников «биографического метода» это бьет не в бровь, а в глаз.

В этой рецензии Плеханов не ограничивается голым отрицанием идеалистического метода в литературоведении, он противопоставляет ему марксистский анализ истории литературы. Плеханов берет тот же самый материал, которым оперирует Лансон, повертывает его под углом зрения материалистической диалектики, мертвые лансоновские схемы опадают, как шелуха, и сущность писателя выступает перед читателем с наглядной очевидностью.

Приведем в качестве образца параллель, проводимую Плехановым между Бальзаком и романтиками: «Каково бы ни было происхождение сочинений Бальзака, не подлежит ни малейшему сомнению то обстоятельство, что между ним и романтиками—целая пропасть. Перечитайте предисловия, которые писал Гюго к своим драмам: вы увидите там, как понимали романтики задачу психологического анализа. Гюго обыкновенно сообщает, что он в данном своем сочинении хотел показать, к чему приводит такая-то страсть, поставленная в такие-то и такие-то условия. Человеческие страсти «берутся» им при этом в самом абстрактном виде и действуют в выдуманной, искусственной, можно сказать, совершенно утопической обстановке. С подобной же «психологией» мы в огромном большинстве случаев встречаемся в романах Жорж Занд. Сочинения Бальзака чужды этого недостатка. Он «брал» страсти в том виде, какой давало им современное ему буржуазное общество; он со вниманием естествоиспытателя следил за тем, как они растут и развиваются в данной общественной среде. Благодаря этому он сделался реалистом в самом глубоком смысле этого слова и его сочинения представляют собою незаменимый источник для изучения психологии французского общества времен реставрации и Людовика-Филиппа. Если его нельзя назвать отцом французского реализма, то разве лишь по той единственной причине, что между французскими реалистами не было ни одного человека, способного понять во всей ее полноте ту великую задачу, которую поставил себе гениальный автор «Comédie humaine».

Плеханов здесь всецело прав. Характеристика Бальзака сделана мастерской рукой, хотя после отзывов Энгельса о Бальзаке (см. № 2 «Литературного Наследства») она не поражает. Блеск мысли и сила анализа обнаруживаются в самом выборе сопоставления обоих авторов. У Гюго «человеческие страсти «берутся»... в самом абстрактном виде и действуют в выдуманной, искусственной, можно сказать, совершенно утопической обстановке» — таков основной «упрек», который делает Плеханов Гюго. И действительно в этом гвоздь проблемы. Плеханов взял то звено, за которым следует ключ к разгадке. Скажут, что и эту мысль можно найти у Энгельса. Верно, Энгельс писал (и, как нарочно, вспоминая о Бальзаке): «реализм подразумевает, кроме правдивости деталей, верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах». Слова Плеханова прямо вытекают из этого тезиса Энгельса. Но не надо забывать, что Энгельс говорил это в частном письме, адресованном не Плеханову и наверное Плеханову неизвестном. Плеханов, применяя метод Энгельса, са-

мостоятельно пришел к тем же требованиям к писателю, что и Энгельс; таким образом выясненное совпадение их взглядов лишней раз доказывает, что теоретическая мысль Плеханова могла достигать исключительной высоты.

Плеханов-мыслитель нам особенно дорог как Плеханов-революционер. Мы рады каждой черточке, которая напоминает о Плеханове лучших времен, когда он еще не отошел от борьбы за победу пролетариата. Э того Плеханова мы также встретим на дальнейших страницах: «Создаваемое современной нам борьбой классов настроение «мыслящих кругов» буржуазии по необходимости обесцвечивает современное искусство. Тут самый капитализм, который в области производства является препятствием для употребления в дело всех тех производительных сил, которыми располагает современное человечество, является тормазом также и в области художественного творчества». Слова Плеханова оказались пророческими. Мы сейчас видим, как агонизирующий капитализм, подобно Хроносу, пожирает своих детей, как на закате капитализма разрушается и гибнет созданная им самим духовная и материальная культура. Только пролетарская революция спасет человечество от одичания, в которое ввергает его одряхлевшая буржуазия. Как жаль, что умевший понять регрессивность последнего этапа капитализма Плеханов не сумел соединить с этим признания пролетарской революции, очищающее дыхание которой веет над миром.

6

В заключение о составе книги. Она заключает 21 произведение Плеханова: 5 статей, 5 рецензий, 4 письма, одну речь и 6 различных черновигов (конспекты, планы, отрывки). В основу ее положена плехановская публикация в № 1 «Литературного Наследства» и добавлены напечатанная нами в гетевском томе (№ 4—6) «Литературного Наследства» рецензия на книгу А. Шахова «Гете и его время» и опубликованное в № 7—8 «Литературного Наследства» письмо Плеханова к П. Л. Лаврову. Часть этих материалов появилась впервые в «Литературном Наследстве», часть печаталась прежде (только переиздаваясь впервые в «Литературном Наследстве»), но по ряду причин оставалась широкому кругу читателей совершенно неизвестной. Само собой разумеется, в изданное Рязановым собрание сочинений Плеханова ни одна из них не входила. Известно, что Рязанов никогда не был марксистом-ленинцем. Рязановские предисловия к Плеханову—образец меньшевистской канонизации Плеханова; по этой линии

21

Рязанов разоблачен полностью. Но за ним сохранилась еще кое у кого слава ученого знатока плехановских текстов. Печатаемый материал доказывает, что и эта репутация Рязановым не заслужена. Примечателен случай с заключительной главой брошюры о Г. Ибсене. К немецкому переводу статьи Плеханов добавил новую главу. Однако в XIV том она не попала, из-за чего из поля зрения исследователей до сих пор выпадала существенная часть брошюры. В то же время в предисловии в XIV тому Рязанов прямо сослался на немецкое издание и даже упомянул о сверке.

В интересах работы над темой «Плеханов—литературный критик» к публикации «Литературного Наследства» присоединены опубликованные за последние годы, но не вошедшие в собрание сочинений литературоведческие статьи и письма Плеханова, именно: «Два слова читателям-рабочим», напечатанные к десятилетию со дня смерти Плеханова в «Летописях марксизма», черновик речи «Памяти Делина» (М. Ашкинази) из третьего сборника Группы «Освобождение труда» и статья «Похороны Некрасова», написанная Плехановым незадолго до смерти для «Единства» и у нас ни разу не перепечатававшаяся. Затем из других изданий нами извлечено два письма Плеханова к разным лицам, небезинтересных для характеристики отношений Плеханова к литературе. Наконец впервые печатается одно из писем Плеханова к Францу Мерингу. Таким образом здесь собран весь основной материал по теме, который составит, надо думать, необходимое дополнение к собранию сочинений Плеханова.

На первое место среди печатаемого материала надо поставить статью «Два слова читателям-рабочим», где «старый» Плеханов, боец за классовое самосознание пролетариата, встает во всем своем блеске.

Существенно интересна заключительная глава к «Генрику Ибсену»; она дополняет ранее известную плехановскую оценку скандинавского драматурга. Следует отметить однако, что опубликованное в № 1 «Литературного Наследства» замечание Энгельса об Ибсене (письмо к П. Эрнсту) позволяет методологически гораздо глубже подойти к Ибсену.

Большой интерес представляют также две рецензии на книги Лансона по истории французской литературы. Они позволяют судить о требованиях, которые предъявлял Плеханов к истории литературы, и содержат серьезные замечания об отдельных писателях (Бальзак, Корнель и др.). Рецензия на книгу Быстренина, воскрешая этого малоизвестного автора, интересна как образец публицистической критики, типичной для «раннего» Плеханова. Стоит отметить, что в это время у Плеханова уже появляется

противопоставление рассказа доказательству, таланта—логике, вытекающее из плехановского отрыва логики от теории познания.

Не менее значительны и воспоминания о Скрябине. По сути—это законченная статья, которой только в литературных целях придана форма письма. Эти воспоминания характеризуют Плеханова не меньше, чем Скрябина, позволяя судить о диапазоне его эстетических вкусов, его отношении к музыке и даже шире—к искусству и его задачам вообще.

Статьи «Столетие со дня рождения В. Г. Белинского» и «Похороны Некрасова» развивают его прежние высказывания о них. Статья о Некрасове любопытна и тем, что свидетельствует о горячей симпатии к поэту «мести и печали», которую до гробовой доски сохранил Плеханов.

Речь на могиле М. Ашкинази (Делина) является, если не ошибаемся, единственной характеристикой этого забытого литературного деятеля.

Примечательна и рецензия на книгу Шахова о Гете, интересная как характеристика плехановской оценки не только и даже не столько работы Шахова, как ранних марксистских работ на ту же тему.

Весьма любопытны и печатаемые ниже письма.

Письмо Плеханова к Мерингу является, если не ошибаемся, первым из их переписки, появляющимся вообще в печати, и свидетельствует о создавшейся в то время близости между ними. Любопытно оно и тем, что показывает, какое большое значение придавал Плеханов роману Савинкова, желая через посредство Меринга привлечь к нему внимание германского читателя. Не пройдут мимо внимания читателя и остальные письма. Они может быть не покажутся внешне значительными, но каждое из них по-своему важно, добавляя либо новый штрих в отношения Плеханова к Л. Толстому (письмо к П. Аксельроду), либо рисуя литературные замыслы Плеханова во второй половине 80-х годов, когда он вынужден был зарабатывать кусок хлеба, давая уроки русской литературы (письмо к С. Степняку-Кравчинскому).

Остальные заметки и конспекты Плеханова, публикуемые в настоящей книге, также заслуживают внимания не только исследователя, но и широкой аудитории: не представляя самостоятельного значения, они приобретают смысл как документы лаборатории плехановского творчества, как живые следы работы над материалом. Иной раз в таком конспекте мысль, выраженная лаконически, находит более яркое и запоминающееся выражение, нежели в статье, где читатель за грудой привлеченного фактического и документального материала подчас не ощущает ее с такой отчетливостью.

Материал расположен в порядке хронологической последовательности. Комментарии в большинстве своем взяты непосредственно из изданий, опубликовавших текст (так, например, из № 1 «Литературного Наследства», где они были составлены сотрудниками Дома Плеханова в Ленинграде), а в остальных случаях добавлены редактором.

Сверка плехановских текстов, подбор иллюстраций и наблюдение за изданием принадлежат И. С. Зильберштейну.

И. Ипполит

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
И. ИПОЛИТ. Г. В. Плеханов по новонайденным литературоведческим работам	5
Г. В. ПЛЕХАНОВ. Неизвестные и забытые литературоведческие работы и письма.	
✓ Два слова читателям-рабочим	25
Письмо С. М. Степняку-Кравчинскому о плане книги «Правительство и литература в России»	33
Письмо к П. А. Лаврову о Чернышевском	35
✓ Рецензия на книгу В. Быстринина «Житейские были»	39
✓ Две рецензии на книги Г. Лансона по истории французской литературы	47
I) «История французской литературы. XIX века».	
II) «История французской литературы, т. I».	
Рецензия на книгу Г. Могра «Последние дни одного общества»	70
Конспект реферата «Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории»	81
Конспект реферата «Французская драматическая литература и французская живопись»	91
✓ Отрывок критической статьи о драме Зудермана «Среди цветов»	102
✓ План разбора драмы Леонида Андреева «Жизнь Человека»	111
✓ Заключительная глава брошюры об Ибсене	119
✓ Письмо П. Б. Аксельроду о Толстом	134
✓ Рецензия на книгу А. Шахова «Гете и его время»	136
✓ Столетие со дня рождения В. Г. Белинского	138
✓ Два конспекта лекции об А. И. Герцене	152
I) Конспект конспекта.	
II) Отрывок конспекта.	
Письмо Ф. Мерингу о романе Б. Савинкова «То, чего не было»	159
✓ Памяти Делина. (Речь на могиле)	161
Из воспоминаний об А. Н. Скрябине	163
✓ Похороны Некрасова	170